

ЖИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Н. Налитин. Зрелость.— М. Рошин. Книга прекрасной жизни.— Ф. Светов. Повесть об «очарованном деятеле».— Ю. Пименов. Новые иллюстрации к русской классике.— А. Горбунов. Готорн-рассказчик.

ПОЛИТИКА И НАУКА

А. Гуновский. Молодость старых большевиков.— Д. Лихачев. Новая наука — берестология.— А. Гиневский. Прежде всего — человек — С. Семанов, В. Старцев. Между домислом и наукой.

Литература и искусство

ЗРЕЛОСТЬ

Александр Яшин. Босином по земле. Стихи. «Советский писатель». М. 1965. 172 стр.

Александра Яшина называют поэтом Севра, говорят о «народной крестьянской стихии слова», которая живет в его стихах.

Может быть, несколько лет назад эти определения было достаточно, чтобы охарактеризовать главное в поэзии Яшина. Сейчас, после сборника «Совесть» («Советский писатель», 1961) и лирики последних лет, они кажутся узкими.

Конечно, Яшин не разлюбил родной ему северной земли, ее лесов и людей, ее языка и песен. Напротив, любовь его к ней стала глубже и сосредоточеннее. Но она выливается сейчас не в лирические «записи» и бытовые зарисовки, как было раньше, а в раздумья о долге человека перед жизнью, о долге человека перед самим собой.

В одной из рецензий на «Совесть» в числе других цитат была приведена строка: «Спешите делать добрые дела».

Вне контекста, не согретая живой поэтической интонацией, эта строка может показаться прописью. Но прочтите все стихотворение, которое ею заканчивается, и вы увидите, что это не пропись, хотя мысль и выражена здесь в форме некой заповеди.

После горестных слов о несделанном, об ушедших близких, не дождавшихся твоей помощи, о неосуществленных намерениях и несбывшихся мечтах — эти строки звучат суровым предостережением:

Теперь прошел я тысячи дорог,
Купить воз хлеба, дом срубить бы
мог...

Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

Вот на каком слове здесь ударение! Вот интонация, сразу расширяющая смысл сказанного. Не просто проповедь добра. И не призыв: «Будьте лучше». А требование: «Спешите!» Спешите ощутить в себе и щедро отдать миру лучшее, что в вас есть, спешите выполнить долг перед тем большим, человеческим, что живет в каждом из нас.

Это стихотворение датировано 1958 годом. И все наиболее значительное, что написано Яшиным позднее, служит утверждению и раскрытию дорогой ему мысли — о человечности как бережном отношении к миру, ко всему живому.

К этой мысли поэт возвращается постоянно, находит самые различные поводы, чтобы еще и еще раз высказать ее. «Доверие птиц умею ценить». «в корнях родничок, что клад, берегу», «значит, я не такой уж страшный, если звери идут ко мне» — таких по-есеннински чутких образов немало у Яшина. Поэту дорого малейшее проявление жизни: первый крик птенца, краски и звуки весны, когда «вся жизнь на виду», шорох веток засохшей березки, которой не удалось пробиться к солнцу, к свету.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды.
— Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуив чужой беды.

Способность чувствовать жизнь во всем, живо воспринимать каждое ее дыхание — для поэта огромное счастье. И другую высокую радость знает он: отдавая, становиться богаче. Почти по-детски восторжен его рассказ о том, сколько сосен и елок освобождает он от снега в зимнем лесу:

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины...

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
— Разогнитесь!

Тут не все точно, и аллегоричность этих строк может показаться наивной. Но чувство, которым пронизаны они, светло и искренне. Поэт неизменно верен высокой цели — оберегать живое.

Еще более чистый образ, утверждающий это же требование, рождается в другом стихотворении:

Птицы взвиваются из под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.
...Бреду бережком,
Не с ружьем — с бадажком,
Душа и глаза — настезь.
Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

«Душа и глаза настезь!» В этих словах — весь лирический герой Яшина, обращенный к миру, к людям. Любовь его к родной природе нежна и трепетна, к людям — требовательна.

«Боль чужую все глубже чувствую», «больше к людям тянусь», — говорит поэт, раздумывая над тем, как повзрослел он вместе со своим поколением. В людях ему больше всего дорога скромность, правдивость. Он хочет видеть каждого человека своей земли честным, прямым, сильным, достойным участия в великом братстве трудящихся. Чистое дело можно делать только чистыми руками. И нет для него большего оскорбления человеческого достоинства, чем «правдою клясться и зло творить».

Так входит в поэзию Яшина мотив советности. Входит органично и властно, хотя Яшин не учительствует, не усовещивает и не напрашивается в советчики.

Даже такие стихи, как «Гость», «Пустырь» или «Неулыбчивому человеку», — не поучение и не обличение, а горечь, недоумение. Внутренний пафос их весь в одном восклицании: «Или трудно человеком быть?»

А если и звучат в поэзии Яшина слова осуждения, то чаще всего он обращает их к самому себе:

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

Эти строки, как и все лучшее в сегодняшнем творчестве Яшина, не рефлексия, конечно, не покаяние или самобичевание. Нет, боль и отчаяние этих строк — из тех, что заставляют с утроенной силой ломать себя, преодолевать, мочь.

Наверно, Яшину очень близки строки Маяковского: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». Эти строки можно поставить эпиграфом к любому из стихотворений Яшина, посвященных Ленину. Их немного у него, но каждое из них — высокое раздумье, ощущение истинной человечности.

Поэзия Яшина гражданственна в самом точном смысле этого слова, хотя формально такие стихи, как «Босиком по земле», «Смерть березки», «Сухое вино» и многие другие, могут и «не пройти» по рангу гражданской поэзии. К сожалению, это определение — гражданская поэзия — часто употребляется у нас лишь как обозначение жанра, а не сути. Гражданственность поэзии

Яшина — в ее человечности, в пафосе утверждения правды, в верности мечте.

У Яшина всегда были свои темы, свой круг образов, свой язык. Но не всегда своя интонация. У одних поэтов она рождается вместе с первыми поэтическими строками. К другим приходит позднее. У многих стихотворцев ее вовсе нет.

Яшин завоевал свою интонацию в борьбе с самим собой, в преодолении становившихся привычными внешних поэтических приемов. Многие годы описательность, голая сюжетность связывали поэта, обескрыливали его стих. Не все истинная поэзия и в сегодняшнем творчестве Яшина, не всегда близкое и важное для него самого становится таким же близким и важным для читателя. Вряд ли следовало, например, включать в последний сборник такие стихи, как «Дебора» или «Не дразни меня», как откровенно назидательное «Два брата», и некоторые другие. К счастью, их немного. Все реже встречаешь сейчас у Яшина недоработанные вещи, стихи-фотографии, стихи-очерки, все более требовательным становится он к поэтической форме.

В лучших стихотворениях сборников «Советь» и «Босиком по земле» привлекает доверительность, открытость чувства. И то, что в других стихах показалось бы дидактикой, поучением, у Яшина звучит как исповедь, как признание другу. А оттенки чувства передаются часто не словами, а подтекстом, интонацией:

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
Пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Велушиваюсь не дыша.

Поэт назвал это стихотворение «Песней без слов». И действительно, душа этих строк — не в самих словах, а в окрашивающем их чувстве, переданном внутренней мелодией стиха.

Поэт верит в торжество счастья на земле, в душе человека. Но только через боренье, через активное действие — путь к ним. «Только бы простое не знать душе», «только б не лишиться бессонных ночей». И еще больше. Мечта поэта —

Уйти от равновесия,
Даже если в нем мое счастье.

Это, пожалуй, самое главное в сегодняшней поэзии Яшина.

Н. КАЛИТИН.

★

Источник: Калитин Н. Зрелость / Н. Калитин // Новый мир. — 1966. — № 2. — С. 251–253.